ВТОРАЯ МИРОВАЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПОЛЬШЕЙ

Олег Неменский

Общая история не всегда объединяет. Часто как раз наоборот, — и особенно если речь идёт о соседних народах. И дело иногда состоит не только во взаимных обидах и неумении их изжить, но в принципиально различном прочтении одних и тех же событий, которое делает невозможным взаимопонимание и примирение.

Вторая мировая война — одно из тех исторических событий, которые больше всего различают историческую память русских и поляков. При этом для обоих народов она — важнейший факт прошлого, сохраняющий свою актуальность по сей день. Казалось бы, поляки и русские были тогда на одной стороне: сопротивление германской агрессии и последующая победа — долгие годы потом всё это было символом славянского братства двух народов. На деле эти события оказались скорее поводом для славянской вражды — столь разным было наше восприятие той войны и наши воспоминания о ней.

Самое первое, что бросается в глаза при сопоставлении нашей памяти о той войне, — это разная датировка её начала. Нет, конечно, в России все со школы знают, что Вторая мировая началась ещё в 1939-м, но это было «где-то там», а для русской памяти собственно война началась только в 1941 году. То, что происходило в 1939—1940-м, в памяти особо не отложилось, да даже и по учебникам военные кампании Советского Союза этого времени не принято считать участием в уже начавшейся Мировой войне. Для русского сознания актуальна только Великая Отечественная. Для поляков же война началась 1 сентября 1939 г., и события той осени — своего рода главная часть войны, то, что в основном и вспоминают о ней.

Но мы иначе видим и всю структуру войны. Если для русской памяти война состояла главным образом в нападении Германии и борьбе с ней, то польский текст войны начинается с факта двойной агрессии — с запада и с востока. Ввод Советским Союзом 17 сентября 1939 г. своих войск на восточные территории Второй Речи Посполитой (как в то время называлась Польша) сливается с немецким нападением в одно событие — новый раздел страны между враждебными соседями, историческими врагами поляков. В сущности, даже десятилетия советского доминирования не смогли изменить такого восприятия тех событий.

Для Польши в той войне было тоже две стороны: светлая, представленная собственно Польшей и «Западом» (в первую очередь США и Великобритания), и тёмная, на которой были Германия и СССР. Результат войны — частичная победа одной из сторон (когда западные союзники смогли победить Германию). Но победа видится именно как частичная — ведь другая «империя зла» уничтожена не была, и даже наоборот — стала сильней. Окончательная победа наступила только в 1989—1991 гг., но опять же русские смогли хитро уйти от полного разгрома и даже осмеливаются не признавать себя столь же виновной в Мировой войне стороной, как немцы. 1 сентября 2009 года Варшава пригласила к себе на празднование 70-летия начала Второй мировой лидеров Германии и России — «двух стран-палачей», как это формулировала приглашающая сторона. Вся Польша ждала, что рядом с кающимся в очередной раз канцлером Германии и премьер России признает равную вину его страны, принеся аналогичные покаянные речи. Но премьер поступил иначе, удивив всех: он, с одной стороны, признал пакт Молотова—Риббентропа и соответствующую политику СССР аморальными, но, с другой стороны, отказался за всё это извиняться. После этого в Польше прокатилась такая волна русофобской истерии, какой, по свидетельству многих, не было и двадцать лет назад.

Однако не только признания «равной вины» ждут от России. Польша ждёт и вполне логичного после этого осуждения как аморальных послевоенных границ на востоке. Варшава вряд ли надеется вернуть себе земли (официально так вопрос вообще не стоит), но ей нужно признание аморальным их отнятия у Польши. Дело в том, что Польша межвоенного времени — это своего рода идеальная польская государственность по своим внешним формам, своим границам. Огромные земли на западе и севере, которые Польша получила после войны, поляки уже привыкли считать немецкими и до сих пор своё господство на них принимают за исторический курьёз (как бы учебники ни объясняли их историческую польскость). А вот «Восточные Кресы», то есть земли Западной Украины, Западной Белоруссии и Южной Литвы — это всё те территории, которые поляки к тому времени уже привыкли считать неотъемлемой частью своей страны и с потерей которых до сих пор не смирились. Русские притязания на эти земли — на Западную Русь — в Польше не понимали никогда, равно как и стремления к обретению национальных прав местного непольского населения. И поэтому занятие этих территорий советскими войсками в сентябре 1939 года воспринимается как чуть ли не большая трагедия, чем гитлеровская агрессия: немцы-то в результате потерпели поражение и ушли, а вот Восточные Кресы так к Польше и не вернулись. Вполне естественно, что по результатам войны из двух агрессоров худшим воспринимается тот, кто победил и утвердил за собой «отнятые» земли. Важнейший мотив современной польской культуры — ностальгия по «польским городам» Вильно, Гродно, Львову и др. Их потеря для поляков — важнейший итог той войны, с которым они вряд ли смогут когда-нибудь полностью смириться.

Вместе с тем вся остальная война отложилась в польской памяти в меньшей степени: несмотря на культ польского героизма, связанный с воспоминаниями о таких событиях, как участие в битве под Монте-Кассино в Италии и в Варшавском восстании, ни крупных собственно польских сражений с врагами, ни действительно польской победы та война не принесла. У поляков не было истинно народной, отечественной войны. И потому в Польше нет такого её культа, какой есть в России: если для русских это священная и величайшая война, то для поляков это скорее «одна из войн», причём с весьма спорным итогом. Возможно, в том числе и поэтому поляки всегда с удивлением реагируют на особую русскую чувствительность к их оценкам тех событий — то, что для поляков является просто спором о событиях прошлого, для русских предстаёт посягательством на святое.

Одно из таких болезненных мест — это освобождение Польши советскими войсками в 1945 г. Современная «официальная» версия польской историографии говорит об этом не как об «освобождении», а как о «новой оккупации». В то же время нельзя сказать, чтобы такая точка зрения представлялась верной для всех поляков — оценка тех событий и для польского общества предстаёт большой проблемой. Возможно, затруднение здесь более в словах, чем в сущности оценки: термин «оккупация» как бы уравнивает советское послевоенное занятие Польши с предшествующим немецким. Такого уравнивания, тем не менее, в польском сознании нет, и советское господство с гитлеровским мало кто пытается поставить на одну доску (как это теперь нередко делается в Прибалтике).

Битва при Орше, 8 сентября 1514 г.

Портрет Яна III Собеского, знаменитого польского полководца, с 1674 г. — короля Польши

Однако и с концептом «освобождения» мало кто согласен. Здесь проявляется разное понимание самого этого слова, как и вообще понятия «свободы» в наших культурах. Возможно, весьма неплохой выход из этого положения уже не раз был предложен польской стороной, но так и не был толком доведён до общественного мнения: стоит говорить не об «освобождении» Польши советской армией, а о «спасении» ею польского народа. А собственно с тем, что поляки как народ были тогда спасены, в Польше мало кто спорит. Но русская настойчивость в тезисе, что Красная армия тогда не только спасла поляков, но и принесла им свободу, воспринимается теперь со всё большим скепсисом: в конечном счёте, если послевоенный режим ПНР и доминирование СССР считать «свободой», то что тогда произошло в 1989 году? В любом случае, думается, что не эта тема является самой важной в польско-русских противоречиях по оценке событий Второй мировой войны.

Как уже было сказано, важнейшим периодом той войны для польской памяти предстаёт сентябрь 1939 года. Именно о нём в первую очередь вспоминают поляки, и именно из-за событий этого месяца СССР предстаёт в польском историческом тексте врагом и коварным агрессором. И именно об этих событиях Варшава всё время напоминает в наших двусторонних отношениях. Ещё одно событие, воспринимаемое как прямое следствие «оккупации» сентября 1939 г. — это «Катынь». Под этим именем объединяется целая серия расстрелов польских офицеров, произведённых НКВД в 1940-м г. Примечательно, что поляки не удовлетворились признанием Россией этого «военным преступлением», пытаясь доказать геноцидные цели Москвы. Так, президент Лех Качинский даже сравнил Катынь с Холокостом... В целом с темой Катыни ещё много неясного, ведь Москва почему-то не открывает значительную часть соответствующих архивных документов. Однако в России не раз уже отмечалось, что, сколько бы Москва ни признавала свою вину и ни извинялась, претензии Варшавы от этого не уменьшаются, а даже наоборот. И это действительно так: в силу целого ряда причин достигнуть компромисса по историческим вопросам с Польшей представляется невозможным. Хотя главная причина одна: этот компромисс не является целью польской политики.

Вообще, надо понимать, что польская внешняя политика глубоко исторична и сама по себе требует «ковыряться в ранах» многолетней давности. Поляки ввели в современный международный обиход понятие «исторической политики», которое стало центральным для самой Польши, а также приобретает всё большую популярность в других странах Центральной и Восточной Европы. Однако у польской исторической политики есть одна особенность, для Польши специфичная. Её важнейшая цель — сознательное внушение другим странам чувства вины перед Польшей и дальнейшая эксплуатация этого комплекса. Вина внушается всем: «врагам» (то есть в первую очередь России и Германии) за те обиды, которые они причинили в прошлом польскому народу, но равно и «друзьям» (главным образом Великобритании, Франции и США) за то, что «предали», то есть вовремя не защитили, не помогли. Этому способствует то, что Польша всегда стремилась быть «более западной, чем сам Запад», и западные ценности различных эпох присваивались и защищались ею с особым рвением. Глубокая традиция польской культуры, представляющая её «форпостом» западной цивилизации и народом-мессией, а потому и народом-

страдальцем, побуждает поляков искать в народах с запада от Польши сострадания, а в народах с востока, которые всегда поляками воспринимались как азиатские и нехристианские, — покаяния. И вот для этого общего свойства польской политики Вторая мировая война — одна из важнейших исторических тем, дающая ей неисчерпаемый материал.

В этом смысле польская трактовка Второй мировой войны — тема совсем не только культурная и историческая, но это и тема актуальной политики, крайне важная для взаимоотношений двух наших народов. Уже банальный российский тезис, что её муссирование — это «болезнь роста», которая всё вроде как должна пройти — крайне неадекватный взгляд на вещи. Корни этой ситуации гораздо глубже — во всей истории польского самоосмысления, в самой польской идентичности. Однако думается, что этот своеобразный исторический вызов, который Польша с завидным упрямством бросает России, имеет и свои положительные стороны: он побуждает нас вновь и вновь обращаться к нашему восприятию событий той войны, а в конечном счёте — и к нашей идентичности, к нашему позиционированию в истории и в кругу соседних народов.

И тут взаимоотношения с Польшей раскрывают большие внутренние проблемы России, решать которые всё равно необходимо. И речь не о том, что наше государство должно найти ответы на все эти вопросы и сделать их «официальной позицией», прописанной в учебниках и озвученной на международных встречах. Это проблема не отсутствия у государства «официальной идеологии», истинной, потому что верной, а отсутствия у него понятной исторической идентичности. Только она может давать критерии оценки, что входит в интересы страны, а что им противоречит, что своё, а что чужое, и что было сделано хорошо, а что плохо.

Так, польская модель восприятия событий 1939—1945 гг. основана на безоговорочном признании прав Польши на Восточные Кресы, то есть на Западную Украину, Западную Белоруссию и Южную Литву с Вильнюсом. Такова польская историческая память, такова польская идентичность, которая так и не смогла осознать факт наличия на этих землях непольского этнического большинства со своей и весьма отличной от польской культурой и историей. Политика же Советского Союза исходила из других понятий: эти земли считались силой удерживаемыми Польшей территориями украинского, белорусского и литовского народов. Теперь, когда мы вспоминаем о тех событиях — о пакте Молотова—Риббентропа с его секретным протоколом, в котором Германия обещала в своей агрессии против Польши не переходить границы этих территорий, признавая права на них за СССР, и о последующем занятии этих земель Советским Союзом — у нас почему-то исходят из польской модели идентичности. Даже высшее руководство России признаёт этот «раздел Польши» аморальным и, пытаясь хоть как-то его оправдать, прибегает к аргументам военно-политической целесообразности «на тот момент». И трудно не усмотреть за этим некоего идентитарного сдвига, когда политики начинают оценивать исторические события исходя из взгляда на них представителей других стран и народов.

В отношении восточных территорий Второй Речи Посполитой, которые были заняты Советской армией и сразу присоединены к СССР, Советский Союз следовал довольно чётким моральным принципам: он де-факто исходил из принципа «ни пяди польской земли», и вся политика присоединения её восточных земель в 1939 г. принципиально основывалась на национально-освободительной логике. СССР не перешёл Линию Керзона, которая, возможно, не вполне точно описывала этническую границу между поляками и восточными славянами, но была признаваема международным сообществом таковой. И ведь именно поэтому Франция и Великобритания тогда не объявили войны СССР так же, как они это сделали, на основании союзнических обязательств перед Польшей, в отношении Германии.

Это тот момент, который пытаются замалчивать: для поляков он нерелевантен, так как старые западнорусские земли, называемые ими «Кресами», они и сейчас неформально считают по праву своими. Но почему же этот аргумент не используется российской стороной? Ведь за этим стоит тот же способ описания, которым передаются события российско-грузинской войны 2008 г.: «Россия захватила регион Грузии». То, что этот регион населён своеобразным местным негрузинским народом, имеющим, как и любой другой народ, право на самоопределение, попросту опускается; осетины для того же польского восприятия — лишний субъект двучленной формулы той войны. Так же и восточнославянское население древних русских земель, присоединённых тогда к СССР, — замалчиваемый «момент» тех событий. Польша и сейчас считает себя в полном праве обладать северными и западными землями, подаренными ей после Второй мировой войны и очищенными от нередко преобладающего немецкого населения, и называет их «Возвращенными землями». Это согласно с польскими ценностями. Однако такое же право на возврат старинных земель за другими народами она отрицает.

Немецкий и польский пограничник на железнодорожном мосту в захваченном поляками чешском городе Богумин. Чехословакия

Вступление немецких войск в Варшаву. 1939 г.

Из всех армий наиболее страстно хотят воевать вооруженные силы демократических государств, в то время как сами народы этих государств любят мир больше всех остальных народов

Алексис де Токвиль.
Демократия в Америке

Польские солдаты у захваченного ими здания телеграфа в чешском селении Лиготка Камеральна

Немецкий и советский офицеры с польским железнодорожником во время вторжения в Польшу. Эту фотографию западные СМИ часто публикуют в обрезанном виде, отрезав левую часть с улыбающимся поляком

Эта же проблема касается и оценки всех предыдущих разделов Польши. Многовековая польская агрессия на древнерусские земли представляется полякам вполне моральным действием: они ведь несли туда свет западной культуры, который «по определению» лучше, чем любая другая. Для польского восприятия народы Западной Руси должны быть вечно благодарны Польше за её «цивилизаторскую миссию на Кресах». Да, вряд ли можно переубедить поляков, что агрессивное и высокомерное отношение к чужим культурам само по себе безнравственно, но стоит всё же говорить об этом.

Все три «раздела Польши», совершённые Россией в XVIII веке, и её новый раздёл в 1939 году были основаны на общей логике освобождения из-под польского гнёта земель, которые исторически маркированы именно как русские. Даже те древнерусские земли, которые Польша захватила раньше всего, ещё в XIV веке — Галицкая Русь — назывались в ней же Русским воеводством (województwo Ruskie). Русский статус никогда не отрицался и за землями, аннексированными Польшей в XVI веке у Великого Княжества Литовского незадолго до того, как оно было вынуждено заключить с Польшей Люблинскую унию. Да и большая часть самого княжества, фактически включённого в польское государство по этой унии, была и считалась Русью. Собственно польские земли были частично присоединены к России только в XIX веке, и это можно признать одной из самых печальных ошибок русской политики, той ловушкой кн. Адама Ежи Чарторыйского, в которую она попалась, но к разделам это отношения никакого не имело. Впервые поляки попытались официально счесть западнорусские земли польскими только во Второй Речи Посполитой, то есть в межвоенной Польше.

В дискуссиях о советском вторжении 17 сентября 1939 г. всегда должна подчёркиваться сущность польской власти над занятыми тогда землями. Россия признала в 1917 г. независимость Польши в тех собственно польских границах, какие были у польских губерний в составе Российской империи. Дальнейшая война и оккупация Польшей огромных просторов Западной Руси были как раз тем, что должно быть радикально осуждаемо в моральном плане. И никакие ссылки на «спасение от коммунизма» здесь не могут играть роли, раз внутри Польши местное автохтонное население было лишено не то что прав на автономии, но и вообще каких-либо национально-культурных прав. Советский Союз никогда не скрывал негативного отношения к оккупации Польшей этих территорий и был настроен на их возвращение. Эта позиция была открытой и честной, а главное, основанной на по-прежнему признаваемом международным правом и согласуемым с европейскими ценностями праве наций на самоопределение. Кстати, ещё более жёстко относилась к польской оккупации Виленского края «буржуазная» Литва.

Так что же должно быть морально осуждено: решимость Советского Союза воспользоваться политическими обстоятельствами и освободить из-под польского гнёта древние русские земли, восстановить территориальную целостность украинской и белорусской наций, или межвоенная Республика Польша — национальное государство, которое удерживало под оккупацией огромные территории соседних народов и почти половина граждан которого была национально бесправной?

Пару лет назад в парламенте Белоруссии обсуждался вопрос о введении нового государственного праздника — 17 сентября, дня единства Беларуси. Власть не решилась на это из-за нежелания раздражать соседнюю Польшу. Однако вряд ли можно поспорить с тем, что для Белоруссии, как и для Украины, события той осени означали национальное объединение и освобождение от польского гнёта, великую нравственную и историческую победу.

Рукопожатие польского маршала Эдварда Рыдз-Смиглы и немецкого полковника фон Штудница на параде «Дня независимости» в Варшаве 11 ноября 1938 года

Здание Института национальной памяти в Варшаве

Межвоенная Польша несёт всю ответственность за то, что Советскому Союзу пришлось оговаривать с Германией пределы её агрессии в этой стране. То есть само то, что судьбу западнорусских земель Москва вообще вынуждена была с кем-то обсуждать. Моральному осуждению должен быть подвергнут не пакт Молотова—Риббентропа, а Вторая польская республика, сама её государственность, основанная на захвате территорий соседних народов. Государство, установившее режим национального бесправия для неполяков и продолжавшее проводить агрессивную внешнюю политику даже перед самым своим падением.

Стоит также учесть и то, что Советский Союз занял западнорусские земли Польши только тогда, когда Польши как государства уже не было, а его правительство было в бегах. Альтернативой их занятию было только отдание их в немецкую оккупацию. Так что же, мы теперь должны признать аморальным возвращение своих прежде оккупированных территорий и согласиться на то, что морально было бы подарить их немцам? Именно ради того, чтобы этого не произошло, Советским Союзом был подписан секретный протокол к пакту Молотова—Риббентропа, который мы просто не имеем права признавать аморальным. Не имеем права исходя из нашей русской идентичности. В отношении Польши это был акт исторической справедливости, акт, направленный на национальное освобождение.

Все разделы Польши, которые осуществляла Россия, имели мощное историческое и моральное основание. А главное — они не были проявлением агрессии в отношении собственно Польши, но лишь попытками забрать оккупированное, освободить подъярёмную Русь, на что русскому народу давала право его русская идентичность. Как бы наши предки ни объясняли в разные эпохи эти присоединения: как наследство русского великокняжеского дома Рюриковичей, как воссоединение народов Украины и Белоруссии, или как объединение Русской земли — всё одно, это было освобождением, и оно было морально и глубоко обоснованно. И теперь, если в России побеждает желание оценивать исторические события с другой точки зрения, то это не что иное, как отказ от своей истории, своего исторического самосознания, своей идентичности. Ведь только отказавшись от всего этого, становится так просто предавать и осуждать своих предков.

Польско-русский диалог по оценкам событий Второй мировой войны производит сейчас странное впечатление. С одной стороны — очень твёрдая позиция, требующая от России полного признания польской правоты, самоосуждения, покаяния и выплаты компенсаций. С другой стороны — отказ от вообще какой-либо точки зрения, когда почему-то забывается своя, но и не принимается чужая, зато выдвигается совершенно неприемлемое для поляков предложение «забыть прошлое и жить проблемами настоящего». Предложение, кстати, неприемлемое для любого народа: забывать прошлое — удел манкуртов. Но всю ситуацию можно охарактеризовать как отсутствие какого-либо диалога, отсутствие даже предпосылок для него, причём с обеих сторон. Так история продолжает нас не просто разъединять, но и противопоставлять друг другу.

ά